

МЕЖДУНАРОДНЫЕ КОММУНИКАЦИИ

Н. В. Литвак

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ КАК ИНФОРМАЦИОННАЯ БОРЬБА: ЦЕННОСТНЫЙ АСПЕКТ

Литвак Николай Витальевич, канд. соц. наук,
доцент кафедры философии им. А. Ф. Шишкина
международно-правового факультета МГИМО МИД России,
119454, Москва, просп. Вернадского, 76. E-mail: jourfr@mail.ru

Аннотация

В статье рассмотрены определения культуры как системы социальных ценностей и с этой позиции — межкультурной коммуникации. Рассмотрены некоторые итоги межкультурной коммуникации, дана классификация её видов, отмечены её особенности в современную эпоху электронных средств массовой информации и коммуникации. Показано, что межкультурная коммуникация в настоящее время являет собой один из видов информационной борьбы.

Ключевые слова: философия культуры, культура, межкультурная коммуникация, социальные ценности, информационная борьба.

Из основного потока публикаций на тему межкультурной коммуникации можно сделать вывод, что под ней большинство понимает сообщение друг другу какой-либо информации о своей культуре, в результате чего каждый из участников этой коммуникации обогащается соответствующими знаниями и на этой основе хорошо взаимодействует, дополняя друг друга. Что, таким образом, межкультурная коммуникация является средством решения межкультурных проблем, которые, следовательно, порождаются недостаточным знанием культуры Другого.

Такая позиция противоречит наблюдаемому во многих местах росту недовольства местного населения поведением именно приезжих — носителей другой культуры, традиций, обычаев. Не говоря уже о таком «решении» проблемы такой межкультурной коммуникации, как предлагаемая властями ЕС и государств-членов выработка у представителей принимающей стороны умения «терпеть», или, в латинской транскрипции, толерантности.

До сих пор очень мало исследований *результатов* такой коммуникации, при том что фактов для исследований вполне достаточно. Ведь различные культуры существуют давно, и также не новы и отношения между ними.

Поэтому, как и в начале всех наших предыдущих работ на эту тему, повторим необходимость определять, когда речь идёт о межкультурной коммуникации, что именно каждым автором в каждом конкретном случае имеется в виду под коммуникацией, культурой и, собственно, межкультурной коммуникацией. Без этого могут совершаться и часто совершаются логические ошибки — и в исследованиях, и в концепциях [2; 4; 6].

В данном конкретном случае определим *культуру* как, прежде всего, систему социальных ценностей, отношений между людьми на основе того или иного определения человека, понимания человека. Тогда, соответственно, межкультурная коммуникация — взаимодействие людей по поводу этих ценностей. Хотя пока такой подход к пониманию культуры не доминирует, а общественные ценности и материальные предметы культуры, включая искусство, всё ещё часто перечисляются через запятую, то есть как одноранговые понятия [6].

Необходим также научный исторический подход к предмету исследования и, например, такому его объекту, как этноконфессиональные системы, в частности христианству, исламу и их видам. Они существуют века и тысячелетия, и таков же возраст их межкультурной коммуникации. Её история, во всяком случае, как её представляют историки, — это непрекращающиеся войны, взаимное уничтожение носителей разных культур, причём в подавляющем большинстве случаев под предлогом своего превосходства над носителями других культур.

Не оказалось в этом смысле отличий и у светских культур XIX и XX вв., которые продолжили такое взаимное «обогащение» во всё возрастающих масштабах, опираясь на новые научно-технические достижения. Хотя к середине прошлого века, как раз благодаря этим достижениям (в частности, появлению оружия массового уничтожения и средств его доставки) между ними (то есть различными культурами, в данном случае — светскими) установился временный мир на основе достигнутого паритета во взаимном уничтожении. Это — на глобальном уровне. На региональном же, временность мира и постоянство «плодотворной» межкультурной коммуникации в ряде случаев уже десятилетиями иллюстрирует целая серия локальных конфликтов, самый длительный из которых арабо-израильский. В 2000-е гг. к нему в ближневосточном регионе добавились сменяющие друг друга и расширяющие контролируемый ареал различные мусульманские экстремистские группировки, конфликтующие между собой, то есть в рамках одной культуры, как она в большинстве случаев описывается.

Между тем и из работ по этой проблематике, и, прежде всего, из содержания реальной политики по-прежнему можно заключить, что именно межкультурная коммуникация является средством решения межкультурных проблем. Не только дипломатам, но и исследователям МГИМО, то же самое известно из контактов по дипломатической линии, в том числе в рамках международных организаций, где десятилетиями, а в некоторых форматах и дольше, происходит межкультурная коммуникация. И не только между двумя, но сразу между несколькими культурами¹.

Каков же *реальный* результат межкультурной коммуникации, а не спекулятивный, опирающийся на эклектический набор всего и вся, о котором рассуждают, а иногда и мечтают некоторые политики и учёные? Определяя культуру как общественные ценности, как отношение к другому человеку и обществу в целом, мы оставляем в стороне все остальные различия — в искусстве, образе жизни, — которые являются только материальной реализацией этих ценностей и также, конечно, наших знаний об окружающем мире [4]. Тогда можно сделать следующие замечания.

Во-первых, если полная победа не одержана и наступают периоды перемирия, то даже в такие периоды носители соответствующих культур не взаимообогащаются. Они продолжают считать каждый свою культуру лучшей, строить планы по расширению её ареала, то есть географии распространения, но также и увеличения количества своих приверженцев, в том числе посредством конвертации инуюльтурных элементов в своё культурное поле. Таким образом, перемирие — это результат реального или воображаемого баланса сил, ситуация, когда ни у одной из сторон их не хватает, чтобы продолжить наступление и победить, но которые каждая сторона продолжает накапливать. Частным случаем такого перемирия является создание культурных анклавов в других культурных средах.

Во-вторых, факты, выдаваемые за примеры положительной межкультурной коммуникации, например, присутствие представителей других, так скажем, культур не-большинства, на различных руководящих постах, прежде всего в США и Западной Европе, включая президентские и тем более министерские посты, на самом деле такими примерами не являются. Культура в социальном смысле, в отличие от ошибочного смешения любых её качеств и характеристик, вовсе не сводится к специфическим именам и расовым признакам. Более того, она вообще не определяется этими признаками. Например, Франция — это такое светское государство, которое всячески подчёркивает свой светский характер, имеет специальный государственный орган, наблюдающий за светскостью Республики. Во Франции есть министры — выходцы из африканских и арабских мусульманских стран. Какой культуры эти люди? Во Франции, как и в США, и в других странах, где такое имеет место, все без исключения потомки иммигрантов, избранные или назначенные на высокие должности, — это люди, которые *интегрировались* в новые для них культуры. Это настоящие американцы и французы, носители, соответственно, американской и французской культур как систем общественных ценностей соответствующих современных государств. То есть культуры, как и социальные ценности, имеют исторический характер. При том что обе упомянутые республики существуют уже относительно давно (несмотря на периоды реставрации во Франции), ещё полвека назад назначение министром или тем более избрание президентом чернокожего было абсолютно исключено в каждой из этих «образцовых»

¹ Хотя, конечно, нельзя все международные отношения сводить к межкультурной коммуникации, поскольку дипломатия и конфликты существуют, разумеется, и внутри одной культуры, чему свидетельство бесконечные войны между европейскими государствами с одинаковыми (как монархическими, так и республиканскими) формами правления, или между уже упоминавшимися мусульманскими группировками

демократий. Потребовались не только республиканские ценности, но и их эволюция уже в республиках. Потребовалась длительная борьба (с реальными человеческими жертвами), прежде чем декларации о равенстве всех перед законом стали реальной правоприменительной практикой. Но вывод, который можно из этого сделать, заключается в том, что реальный результат межкультурной коммуникации, отличный от вражды, — это вовсе не некое новое эклектическое межкультурное образование, поликультурная идентичность и тому подобное, а только победа одной культуры над другой. И независимо от цвета кожи, вероисповедания или языка, то есть независимо от этих несущественных для культуры в социальном смысле признаков, в той же Франции, как, впрочем, и повсюду в Европе или на Ближнем Востоке, в боевики экстремистских организаций вербуются не только потомки иммигрантов, но и самые «настоящие» этнические французы, как и граждане всех остальных европейских государств. И речь не только о межкультурной коммуникации между, в данном случае, европейцами и не европейцами, но и между самими европейцами, многие из которых считают себя таковыми вовсе не в первую очередь [см., напр.: 9].

Наконец, в-третьих, существует, конечно, и изучение носителями разных культур культур друг друга. Поскольку каждый ребёнок проходит ту или иную социализацию. Для детей любая культура, то есть любые социальные ценности являются новыми. Поэтому для них первостепенное значение имеет не только сама среда — взрослые, от которых они перенимают эти ценности, но и очерёдность контакта с теми или иными ценностями и их закрепления. И с этой точки зрения современная эпоха — эпоха *электронных* средств массовой информации и коммуникации (ЭСМИК) — существенно изменила прежнюю ситуацию, когда первичная социализация происходила почти исключительно в семье [6; 8].

Таким образом, можно определить следующие виды межкультурной коммуникации, то есть коммуникации между культурами по поводу их социальных ценностей.

1. Интерес к другой культуре, её социальным ценностям.
2. Игнорирование другой культуры.
3. Враждебность к другим культурам и борьба с ними до победного конца.

Современная эпоха электронных средств массовой информации и коммуникации придала новое значение и возможности также и информационному противоборству [1; 10]. Теперь можно издалека и действительно глобально влиять на формирование сознания не только молодых людей. Теперь гражданин любого государства, признаваемый таковым по праву рождения, отнюдь не автоматически является носителем ценностей этого государства. Гражданин, даже никогда не выезжавший и не собирающийся за границу, может вполне быть *внутренним эмигрантом* — то есть культурно, в действительности, по существу гражданином другого государства, причём не только глобального, но и национального, и даже уже или ещё юридически не существующего.

Наблюдая глобальные информационные и политические процессы, можно отметить, как ещё недавно биполярные, а то и многосторонние институты всё более становятся односторонними, поскольку в мире информационно побеждают США. Английский язык, американские общественные, в том числе экономические, культурные и прочие стандарты, расширяют своё влияние, вытесняя остальные. Достигнутое преимущество столь велико, что американцы перестали даже маскировать свои методы и цели. С 2006 г. они ввели в публичную политику термин «трансформационная дипломатия». Тогдашний госсекретарь К. Райс заявила о намерении Соединённых Штатов совместно с партнёрами по всему миру «строить и поддерживать демократические, хорошо управляемые государства, которые будут удовлетворять потребности своего населения и ответственно вести себя в системе международных отношений». Партнёры, например Франция, не оставили это без внимания. Политические и научные круги занялись изучением этой новой ситуации в международных отношениях в попытке выработать адекватные меры. В этой же связи добавили в программу подготовки дипломатов курс «Трансформационная дипломатия (техника государственного переворота)» с использованием, в том числе примеров Грузии и Украины. Но при этом французские партнёры вполне отдают себе отчёт, что речь идёт вовсе не о новой совместной с американцами политике в отношении развивающихся или постсоветских государств, а о глобальном процессе, инициированном и проводимом США в отношении всех государств. В 2008 г. в «Белой книге по внешней и европейской политике Франции» была подчёркнута «фундаментальная важность дипломатии влияния в контексте глобального соревнования идей» и определена необходимость противостояния опасности навязывания подходов к глобальным проблемам другими государствами — «сегодня США, а завтра, возможно, азиатскими» [7].

Альтернативой здесь является не только свой, национальный, путь. Есть и другая альтернатива — хаос, деградация, социальный, культурный регресс, что мы можем наблюдать не только в десятках стран Азии, Африки и Латинской Америки, но также и в Европе, а также на просторах бывшего СССР [3; 10]. Судя по фактам и, главное, темпам, новое средневековье, а то и бронзовый век — это вовсе не столь отдаленное будущее, как, несомненно, далёкое прошлое. Это можно наглядно видеть в настоящее время на примере очередного этапа иммиграционного кризиса в Европе. Многие европейцы опасаются не только диктата США, но и распространения общественных ценностей предыдущих этапов исторического развития, которые исповедуют массово прибывающие представители других культур [11]. Демонстрации протеста и поджоги лагерей беженцев — это как раз и есть реальный результат межкультурной коммуникации, когда люди не невежественны в отношении других культур, а как раз наоборот — очень хорошо осведомлены об их содержании. То есть когда после настоящего, глубокого изучения другой культуры европеец (а тем более европейка) узнает, что, например, мусульманская женщина в большом количестве ситуаций вовсе не равноправна мусульманскому мужчине. Данный конкретный европеец может не согласиться с этим и принять решение не обогащаться и даже не терпеть такого положения дел, не проявлять толерантность, о которой столько говорится. Он правильно и точно понял другую культуру и сформировал осознанное отрицательное к ней отношение. Точно также могут поступить и часто поступают и представители других культур, ознакомившись с социальным содержанием современной европейской культуры [5].

В заключение отметим следующее. То, чем носители различных культур действительно обмениваются и взаимообогащаются, не имеет социальной культурной специфики, универсально. Европейцы после мрака Средневековья узнали от арабов часть своей же — древнегреческой — математики, которую те в свою очередь, сохранили, переведя тексты и воспроизведя это знание в новых поколениях. Но разве математика на самом деле греческая, арабская или американская? Хотя, разумеется, имеют место различные исследовательские культуры, носящие черты конкретного социально-психологического контекста. Тоже относится и к семейным отношениям, и к международным. Методы, средства и результаты деятельности США мало чем отличаются от таковых Испании или Португалии эпохи Великих географических открытий, да и античного Рима. Основной мотив всей этой деятельности — обогащение, которое наиболее эффективно на экономических принципах, особенно если вы сами эти принципы и устанавливаете. В случае же угрозы проигрыша в экономической конкуренции используются силовые аргументы. Но обогащения культуры социальными ценностями быть не может. Принятие новых социальных ценностей означает формирование новой культуры.

Nikolay Litvak

**The Intercultural Communication as an information warfare:
value aspect**

Nikolay Litvak, Ph.D. (Sociology) Associate Professor,
Department of philosophy,
International Law Faculty MGIMO University.
119454, 76 Vernadsky Ave., Moscow. e-mail: jourfr@mail.ru

Summary

The article deals with the definition of culture as a system of social values, and from this position — of intercultural communication. Are studied certain results of the intercultural communication; the classification of its species is done; are marked some its particular qualities in the modern era of electronic media. It is shown that intercultural communication is now mainly the form of information warfare.

Keywords: *philosophy of culture, culture, intercultural communication, social values, information warfare.*

Литература / References

1. *Алдошенко Е. В.* Потенциал влияния коммуникационных технологий на политический дискурс // Социум и власть. 2014. № 4 (48).
2. *Глаголев В. С.* Реализм анализа — исходное условие научной перспективности (содоклад) // Право и управление. XXI век. 2011. № 4.
3. *Литвак Н. В.* О некоторых аспектах информационной борьбы на Ближнем Востоке // Конфликтология. 2012. № 4.
4. *Литвак Н. В.* Информационный подход к определению межкультурной коммуникации // Межкультурная коммуникация: современная теория и практика (Материалы VII Конвента РАМИ, сентябрь 2012 г.) / Под ред. *А. В. Шестопала, М. В. Силантьевой*; отв. ред. *А. В. Мальгин*. — М.: Аспект Пресс, 2013.
5. *Литвак Н. В.* Запад — Россия — Восток: ценности национальные, географические и исторические // Вестник МГИМО-Университета. 2014. № 2. — М.: Изд-во МГИМО-Университет, 2014.
6. *Литвак Н. В.* Вопрос о границах межкультурной коммуникации // Межкультурная коммуникация в условиях глобализации: проблема культурных границ в современном мире (Материалы VIII Конвента РАМИ, апрель 2014 г.) / Под ред. *А. В. Шестопала, М. В. Силантьевой*; отв. ред. *А. В. Мальгин*. — М.: МГИМО-Университет, 2015.
7. *Литвак Н. В.* Дипломатия будущего — новый источник конфликтов? // Страховое дело. 2015. № 7.
8. *Олешко Е. В.* Местная пресса как актор межкультурных коммуникаций (жизнь газет после «смерти», или как им конкурировать с интернетом?) // Известия Уральского федерального университета. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. 2014. Т. 129. № 3.
9. *Орлов А. А.* Национализм в Каталонии — фактор риска для Испании // Обозреватель — Observer. 2010. № 11 (250).
10. *Силантьева М. В.* Современные «гуманитарные технологии» в контексте российской действительности // Славянский мир в третьем тысячелетии. Россия и славянские народы во времени и пространстве. — М., 2009.
11. *Ушакова Н. Б.* Масштаб и социально-экономические последствия трудовой миграции и иммиграции: международный, национальный и региональный аспекты // Экономика и предпринимательство. 2015. № 4—2 (57—2).